

Лаэрт Добровольский

**СТИХИ
О ГЛАВНОМ**

Санкт-Петербург
2014

Лаэрт Олимпович Добровольский

СТИХИ О ГЛАВНОМ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23555985
Стихи о главном: Сезам-принт; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-93449-081-3, 978-5-904545-50-5*

Аннотация

Лаэрт Добровольский (родился в апреле 1941 г. в Ленинграде) весь период блокады находился в осажденном городе. Военную службу проходил на Северном флоте. Участник испытаний атомного оружия на о. Новая Земля (1961–1962 гг.) Окончил Лесотехническую академию (Ленинград, 1969 г.) Автор семи сборников стихов, участник ряда литературных, философских, краеведческих сборников и альманахов. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Санкт-Петербурге. В настоящую книгу вошли стихи разных лет. Разделы книги: Долговременная огневая..., Новая Земля, Дом птиц и др. В стихах о Великой Отечественной войне и трагических страницах блокады Ленинграда отражены современные, во многом трансформированные, умонастроения участников этой войны, даётся попытка проникнуть во внутренний мир человека – победителя и побеждённого.

Содержание

«Начинаю как будто с нуля...»	6
Долговременная огневая	7
1	7
2	8
3	10
Дот в окружении	12
Оловянные солдатики	14
Невский пяточок	16
1	16
2	18
«Откопали и нас... Наконец-то...»	19
Ледоход на Неве	20
«Сердце очередью прострочено...»	22
«Истекающий кровью глядит в облака кучевые...»	24
«Не бродить по травам росным...»	25
«Бронзовея, прямые, как совесть...»	26
Дом истории	28
«Есть веко у каждого века...»	30
Иваново, 1905 г	32
Камни на дамбе	34
«Имя Твоё в интернете искать ли...»	37
«На розовом носу – очки того же цвета...»	38

«Надежд слепая круговерть...»	39
«Ни тебя, ни меня не отыщет...»	41
«Пожизненно корить приговорён...»	43
У книжной полки	44
Над Невой	46
«Учебники, прочитанные мной...»	48
«Луна и Солнце – те же...»	50
Старые газеты	52
ЖЗЛ	53
Петропавловская крепость	55
1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лаэрт Добровольский

Стихи о главном

© Л. О. Добровольский, стихи, 2014

© О. С. Дмитриева, вёрстка, дизайн, 2014

...Правда, что полегли миллионы.
Но в статистике правда не вся.
Рассыпаются в прах медальоны.
Наши правды в песок унося...

Крест немецкий и орден советский
Вот и всё, что осталось от нас...
Откопали и нас... Наконец-то...
Кем мы станем сегодня для вас?..

«Начинаю как будто с нуля...»

Начинаю как будто с нуля.
Как костёр новый стих разжигая
Неустойчива дыма струя:
То слабеет, почти пропадая.

То взлетает с огнём пополам.
Слов незначащих стружку сырую
Обвивая, к опорным словам
Подбираясь наощупь, вслепую.

Животворного ветра порыв
Никогда не бывает в излишке
И словам, обещающим взрыв,
И под лапником зреющей вспышке.

Рухнет мир... Новоявленный Ной —
Словознатец пыливый, отыщет
Слов останки под толщей земной
На оставленном мной костровище.

Долговременная огневая

1

Придёт взрывник... Всему свой срок..
Разрушен Колизей...
Бетона серого кусок —
Цемент, щебёнка и песок —
Я отнесу в музей.

Дорог и судеб грозных дней
Немой конгломерат
Напомнит ярче и полней
Святую родственность корней:
Блокада – Ленинград.

Бульдозер нож опустит свой,
И канет в вечность тот
Когда-то бывший огневой
И грозной точкой над Невой
В селе Рыбацком ДОТ.

2

Долговременная точка...

Точку зрения огня
Защищает оболочка
Из бетона и броня.

Пробуй с фронта, пробуй с тыла
В точку зрения попасть —
И доньне не остыла
Жажда высказаться всласть:

– С точкой зрения Природы
Согласуется закон:
Ослеплённые народы —
Огнедышащий дракон.

Где лавиной вал давлен
Захлестнёт земную твердь —
В каждой клеточке извилин
Ноосферы зреет смерть,

Беспощадной жизни проза
Попирает все права;
Там огонь огню угроза.
Где не действуют слова.

Страшен самопостижением
Загоняемый в загон.
Кончит век самосожжением
Огнедышащий дракон...

Точку зрения приемлю
Зажигающую свет
И вгоняющую в землю
Нож, заточку и кастет.

Я, огневая точка, —
Как вечный часовой;
Не вылиняла строчка.
Простроченная мной.

Меня, из сотен тысяч
Не предавших земли.
Ни подавить, ни выжечь.
Ни выжать не смогли.

Не зарастает метка —
Попал осколок в бровь;
Прочна грудная клетка.
Но что-то ноет вновь.

И чудится порою:
Вновь, словно на войне.
Идут солдаты строем
В полночной тишине.

Идут незримым строем.
Един порыв: – вперёд!
Труба вослед героям
Прощальный марш поёт.

Застава у Славянки
Уходит за спиной —
И встанут спозаранку
Лицом к лицу с войной;

К сражению готовы.
Не ведая о том,
В чьём доме вскрикнут вдовы
И замолчат потом.

Узка моя бойница.
Но кругозор – широк...
Не кончена страница,
Ещё идёт урок...

Но в празднике народном
Дороже всех наград —
Оставшийся свободным
Блокадный Ленинград.

Дот в окружении

Давно развеян дым сраженья.
Давно умолк сраженья гром...
По всем законам окруженья
Цепь замыкает новый дом:

Красивый дом... Многоэтажный.,
Дай знак – и ринется вперёд...
Такой нахраписто отважный.
Что только оторопь берёт...

В его чертах смешались стили.
Эпохи, нравы, времена...
Стоянку к ДОТу примостили
С вершин сошедши, племена...

Да, карта мира устарела
И ветер с Запада – не тот.
Но ДОТ без сектора обстрела —
Уже давно не тот Федот...

Что горше может быть позора
Стать окружённым без борьбы...
Ушли из сектора обзора
Холмов покатые горбы.

Ушли поля, ушли опушки.
Ушли Славянки берега.
Где каждый камушек – на мушке
В предошущении врага.

Ушли кустарник с перелеском
И осыпающийся склон...
Вслед за послышавшимся всплескам
Не льнёт к прицелам гарнизон.

Кольцо домов всё уже, уже...
Под мирным небом взят в полон.
Встал в охранение снаружи
Стеклобетонный Вавилон.

А ДОТ – ветшает неторопко
В крушенье мелочных забот...
Но на макушке – водки стопка
Во дни родительских суббот.

Оловянные солдатики

На полу – полей квадратики:
Там – чужие, здесь – свои...
Оловянные солдатики...
Настоящие бои...

Залпы гаубиц победные
Через миг решат исход:
Отлетают гильзы медные
Под кровать и под комод.

Отлетают гильзы медные
Под комод и под кровать...
Ах, под возгласы победные
Так обидно умирать.

Знаменосец ранен в голову.
Древко падает из рук,
И понятно даже олову —
Смерть незримая вокруг.

Сколько их, сложивших голову...
Пересчитывать – не счесть...
Разукрашенное олово
И кладбищенская жесть...

За игрой воображения
Мой отец следит, как бог.
Подступив к полям сражения
Костылями на порог.

Невский пяточок

1

В потёмках до утра
Мерещится подвох:
Вот взмoет ввысь «Ура!..»,
Вот гаркнет «Hande Hoch!»

И содрогнётся твердь
В который раз уже,
И понесётся смерть
В слепящем кураже.

Страшнее во сто крат
Летящего свинца
Поднявший руку брат
На брата-близнеца.

Сурова память-нить
В суровые века.
Ничто соединить
Не в силах берега —

Ни новые мосты.

Гуманности полны.
Ни новые кресты
На нивах той войны.

2

Здесь слова замирают в теплынь на лету.
Здесь Нева замедляет движение.
Усмиря свободной волны маету
И брожение.

Как враги друг на друга глядят берега,
В каждом взгляде – достоинство племени...
Расцепляет двух братцев сестрица-река
Столько времени...

Вот бы звон колокольный над гладью речной
Пробудил в берегах покаяние.
Но чека поржавевшей гранаты ручной
Вся – внимание.

Отойти бы гранате на вечный покой...
Жизнь – в бессмертии многообразия;
Не предложит гранате сапёр над рекой Эвтаназии.

И лежать ей занозой в подкорке земной.
Всею мощью своей нерастраченной
До последнего слова, до встречи – со мной
Предназначенной...

«Откопали и нас... Наконец-то...»

Откопали и нас... Наконец-то...
Словно выпал счастливый билет:
Перебраться на должное место
На ближайшую тысячу лет.

Нам не верится, что откопали;
Вздёрнут дёрн, перевёрнут пейзаж..
Распознают ли только? – едва ли
Тайну выдаст разбитый блиндаж.

Правда, что полегли миллионы.
Но в статистике правда не вся.
Рассыпаются в прах медальоны.
Наши правды в песок унося...

Крест немецкий и орден советский
Вот и всё, что осталось от нас...
Откопали и нас... Наконец-то...
Кем мы станем сегодня для вас?..

Ледоход на Неве

Ледовый панцирь сбрасывает Ладога —
В который раз пора оледенения
С её лица опять уходит надолго
В гремящей суете отъединения.

Где было поле ровное, единое.
Имперское, державно-монолитное —
Сообщество разноголосно-льдинное
В разорванности уз слезопрелитное.

От каждой льдины слышно: – Будь по-моему!
И каждая ведёт себя по-разному...
Что б им взглядеться в новую промоину.
Где бездна неизведанности празднует:

Её безмолвье злобное, утробное —
Не вяжется с мальчишеским речением,
И каждая из льдин – плита надгробная.
Губительным подхвачена течением.

Теснясь и споря, входят в русло невовское.
Под ними дно останками усеяно —
А сколько их и чьи они – известно нам.
Глядящим в небо разными Расеями.

Толкутся льдины – плиты наднемецкие,
Надрусские, надшведские, надобщие,
Надкраснозвёздные и надсоветские.
Уготавливая души к разнородщине.

Как люди – льдины. Каждая – в отдельности.
И жизнь любой – Вселенная безбрежная.
Пустынница безликой беспредельности...
Из праха – прах. Из капли – капля прежняя.

«Сердце очередью прострочено...»

Сердце очередью прострочено...
Замерла на бегу река...
Возвращенье домой отсрочено
Не на день, не на год – на века.

Я вернусь в обновлённом времени,
Я прорвусь сквозь завалы лжи,
А пока что крёстным знамением
Тень берёзы на мне лежит.

А пока что мои мгновения
Истекают на серый мох.
Отправляюсь для пополнения
Испустивших последний вздох.

От меня не дождутся весточки —
Всё, конечно, поймут и так.
Расплывается зелень веточки.
Словно тронутый ржой пятак.

Для кого теперь это облако
В ярком блеске весёлых спиц? —
То ли где-то вдали, то ль около
Шум прибоя и пенье птиц.

«Истекающий кровью глядит в облака кучевые...»

Истекающий кровью глядит в облака кучевые;
Затухающим взором что ищет он за облаками?..
Истекающий речью всё ищет слова ключевые —
Уходящую жизнь заключить ключевыми словами.

Истекающий верой – гнездо потерявшая птица
На излёте закатного часа нелётной порою
Тоже ищет, к чему бы душой прислониться.
Но лететь невозможно, а солнце уже за горою.

Истекающий мыслью, свободный от веры и речи.
Ищет синее небо – как в детстве далёком, такое.
Где бы облако с солнцем без противоречий,
И вокруг – тишина, и сознание покоя – в покое.

«Не бродить по травам росным...»

Не бродить по травам росным.
Не плутать по их коврам —
Пестроцветным, медоносным.
Полевым, тонкоколосным.
По приземистым и рослым
И прохладным по утрам...

Не читать на небе синем
Тайных писем облаков.
Их над нами проносили
Ветры с севера России...
Мы месили-колесили
Грязь окопами веков...

Не стучаться в дом родимый
Ночью зимней, летним днём —
Здесь, где месяц нелюдимый
Ходит целый, невредимый —
В три наката в пласт единый
Уложило нас огнём...

«Бронзовея, прямые, как совесть...»

Михаилу Дубину

«Бронзовея, прямые, как совесть.
Смотрят старые сосны в закат»;
Каждый день – как отдельная повесть.
Каждый ствол – как отдельный солдат:

Знает место своё в обороне.
Прочен в деле, не резов в речах.
Серебрятся могучие кроны.
Утопая в закатных лучах.

Жала пуль и осколков в древесных
До поры затаились телах.
Что же ныне в ряды неуместных
Встали речи о ратных делах?..

Бередят засмолённые раны
Отнимая покой по ночам
И скрипят старики-ветераны.
Не спеша обращаться к врачам.

Что теперь о свинцовых привесках,

О довесках осколков стальных —
Бьётся новое время в подлесках.
Как в истерике, в ритмах шальных.

То ли хмари болотной завеса.
То ли мозглый холодный туман.
Обнимает подножие леса.
Наводя на деревья дурман...

Только в кронах всё резче суровость
Их судьбы позади пережат...
«Бронзовея, прямые, как совесть.
Смотрят старые сосны в закат».

Дом истории

Дому Истории ветхость прилична; к лицу
Букли седой бересты и бумажные свитки.
Чтобы стремились забвения травы к крыльцу
Мягким надбровьем надгробий и каменной плитки.

Значили что эти стёршиеся словеса
Призрачной тенью от тени минувшей эпохи? —
Словно в пустынных покоях слышны голоса
Прежних владельцев – их тихие речи и вздохи.

Что исповедовал череп смеющийся сей.
Так ли был весел и так ли он был беззаботен.
Как на Сенной беспробудно весёлый Евсей —
Шут площадной – безобеден и век безработен.

Солнечный ветер и тонкая звёздная пыль
Лики явлений стирают, не глядя на личность;
В доме Истории с мифами прыгает быль,
В диких прыжках попадая во внеисторичность.

Где ты. История, очи разверзни свои.
Внемлешь ли толпам людским: их в расщелинах разум
Не принимает на веру уроки твои —
С материками спускается он к дикобразу.

«Есть веко у каждого века...»

Есть веко у каждого века.
Что в свой поднимается час
И смотрит век на человека.
На каждого смотрит из нас.

Глядит неподкупное око.
Свой взор отводить не спеша,
И чья-то в смятенье глубоком
Испуганно смотрит душа

Встревоженной выстрелом птицей.
Понять не успевшей ещё.
Что, может быть, дней вереницы
Внезапно предел сокращён;

Но чудо бывает, бывает:
И листьев шуршат кружева,
И к пирсу волна прибывает.
Как прежде, и птица жива.

Но всё-таки был не напрасен
Ударивший в сердце испуг:
Дороже – размыт или ясен —
Становится солнечный круг.

И как от утраты случайно
Спасённый, глядит человек
А око, исполнено тайны.
Скрывается веком навек.

Иваново, 1905 г

Платочки, сарафаны, полушалки.
Картузы, сюртуки и кирзачи...
Их раньше столько не было на Талке:
Сходились на собрания ткачи.

Был тёплый май; секли дожди косые.
Ббивая в землю тополиный пух;
Кто знал бы, что в текстильный край России
С весной врывается и мятежный дух.

О чём вчера под страхом божьей кары
Произнести и слова не могли —
Большевики предсказывали с жаром
Как первооткрыватели земли.

В домах тоскливо бабы голосили:
– Нечистая куда вас понесла!..—
Был стон и плач впривычку на России
И был как разновидность ремесла.

Соединились действие и слово:
Преодолён заветный рубикон.
Зажглась заря свободы с силой новой;
Совета слово в городе – закон.

Теряли в весе мудрые гадалки —
Пошёл на убыль стойкий их доход:
Как знать, чем обернётся там, на Талке
Рабочий революционный сход?

Империю дрейфующая льдина
К большой воде пробиться не могла.
Ещё удар, теперь посередине —
И трещина по Талке пролегла.

Камни на дамбе

Упираясь лучами в шербающую ленту бетона.
Солнце вставало над Волгой из-за Костромы;
Юрьевецкая пристань изгибом дуги камертона
Над волнами дремала в оправе лесной бахромы.

Солнце взглядом по дамбе скользнуло
невольно – и словно
Взгляд его зацепился за острые кромки камней.
Выдававших и видом, и сутью своей безусловно.
Что взросли они, вспоены соком
военных корней.

И Светило припомнило: – Я уже видело эти
Острроверхие камни; как чирья на коже земной.
Прорастали они на цветущей и юной планете —
На прекрасной планете, пока ещё лишь на одной.

Невозможно понять, что же там, на Земле,
происходит:
Я слежу за телами, летящими вместе со мной.
Но чудовищ стальных, как на этой Земле,
не находит
Растревоженный взгляд, продираясь сквозь
космос немой.

Подозрение есть, но оно подтвердится не сразу.
Что на этой планете, единственной в нашем краю.
Не знакомый Вселенной воинственный действует разум.
Как гадёныш, яйца оболочку прорвавший свою.

На малютке-Земле вновь я вижу камней нагноенья.
Чует сердце моё – неспроста это, ох, неспроста...
Дочь – Земля! Если ты не найдёшь исцеленья —
Нам для связи с мирами другого не видеть моста...

Поднимаясь над Волгой, заметило Солнце: на дамбе.
Рядом с местом, где волны весной проточили проран.
Очень буднично, просто, не так, как актёры на рампе.
Пацану о камнях говорил фронтовик – ветеран...

И в глазах пацана – кинолент замелькавшие кадры:
Тотчас ожили камни – и вновь на свои рубежи
Протянулись от дамбы, и надолбы в схемах и картах
Прочертили страну многоточием острых вершин...

– Пролетели года, времена миновали лихие...
Эти камни, что видишь сегодня ты перед собой.
Устояли в борьбе с необузданной силой стихии.
Как на фронте бойцы, они первыми приняли бой.

Их корить не спеши, что они безобразною грудой
В плавном росчерке дамбы – немыслимо злой диссонанс:
Ведь таким, как они – неотёсанным, острым и грубым

Мы обязаны жизнью... Они постояли за нас...

«Имя Твоё в интернете искать ли...»

Имя Твоё в Интернете искать ли
ночами напрасно? —
В стоге душистого сена, где клевер,
люпин и ромашки
Корпоративно, подобно наградам —
за гробом – на красном
Миссию выполнить смогут уже
без промашки.
Там ли иголку искать, что внезапно
пронзит и беспечно
Сердце приколет в коллекции
к бархату неба...
В стоге созвездий искать ли тебя.
Неизвестный Навечно,
Где так заманчиво млечность
течёт в бесконечность?..

«На розовом носу – очки того же цвета...»

На розовом носу – очки того же цвета:
Оправа и винты, и дужки, и стекло;
На всём печать решений Розового Света —
Быть розовым во всём, пока не истекло

Быть розовым во всём отмеренное время;
Взор розовую розу в ризе криза зрит
И розоватость визы визави – не бремя.
Но ризеншнауцер так розово грозит.

Кто розов – резов тот. Визира зев изрезан.
За розовым штрихом – лишь розовый исход.
На розовом лугу гоняет Гитлер с Крезом
Песочные часы под розовый восход.

«Надежд слепая круговерть...»

Герману Гоппе

Надежд слепая круговерть
Коснувшись вскользь, промчится мимо...
Непоправима только смерть.
Всё остальное – поправимо.

Непоправим бросок в висок
Свинца на тонкой струйке дыма.
Непоправим на волосок —
Всё остальное – поправимо.

Всё поправимо... Пыль и прах
Избудут униженье Рима:
Державный гнёт и рабский страх,
И остальное – поправимо.

К пещере каменной пыля
В скале, пробитой караимом.
Телег кривая колея
И в наше время поправима.

Всё поправимо до черты.
До планки, поднятой тобою.

До той поры, пока что ты
Не потерял готовность к бою.

Когда же, смертью смерть поправ
И дела светлого во имя
Ты прорастёшь средь буйных трав.
Неповторим непоправимо.

Души беспечный мотылёк
Вспорхнёт с ладони серафима
И новой жизни уголёк
Займётся вновь необоримо

И кто-нибудь с душой твоей.
Как с телевизором в прокате.
Начнёт отсчёты новых дней
И так же жизнь свою прокатит

И, может быть, поймёт, дыша
Перед концом неумолимым —
Неповторима лишь душа.
Лишь смерть души непоправима.

«Ни тебя, ни меня не отыщет...»

Ни тебя, ни меня не отыщет
Ни один поисковый отряд...
Старых сосен крепки корневища
И стволы красной медью горят.

Волей случая спаяны тем мы.
Что сроднил нас сраженья порыв;
Давят нас корневые системы
Всею мощью, как медленный взрыв:

Обвивая, как щупальцы спрута.
Наши соки безжалостно пьют...
Что там кроны о вспышках салюта? —
Не совместны война и салют.

Наших судеб слепые осколки
В купола поднебесья стучат.
От осколков и сосны, и ёлки
Чудодейственно смолоточат

И, о чудо, как в кинокартине.
Где за титрами близок конец.
Мы – противники – вечно едины
И единый над всеми Творец.

«Пожизненно корить приговорён...»

Пожизненно корить приговорён
И эту жизнь, и жизни этой пакость,
И ветром переменчивых времён
Приговорён не научиться плакать —

Всё с той поры: с протяжного звонка.
Звучащего во мне неистребимо
И с фары воровского воронка.
Моей семьи не прошмыгнувшей мимо.

Приговорён пожизненно к звезде —
Единственной, как каторжник к колодке.
Чтоб днём и ночью помнилась везде
Нестойкость бытия в непрочной лодке.

У книжной полки

На книжной полке, выстроившись в ряд.
Стоят тома – юнцы и раритеты.
Одни – лучами славы не задеты.
Тома другие, как авторитеты,
В её лучах уверенно парят.

Стоят, прижавшись плотно, к тому том:
В лицо друг другу жарко дышат строки —
Добра и зла открытые уроки.
Где в споре с добродетелью пороки.
Но – не о том хотел я, не о том.

Вальяжности томам не занимать...
Лелеемы в спокойствии и холе.
Они, иной не представляя доли.
Обречены в пожизненной неволе
Хвалам гостей услужливо внимать.

Томам в укор и в назиданье им.
Способным зависти слезу из гостя выжать.
Карманного формата пара книжиц.
Сумевшая каким-то чудом выжить.
Стоит поодаль, чуждая другим:

Характер их солдатский узнаю:
По почерку, по слову, по одежде —
И жажда жизни та же в них, что прежде.
Презренье то же к снобу и невежде.
Решимость та же выстоять в бою;

Огнём и порохом пропахли связки слов.
Сверкают сталью в книжном полумраке;
И, каждый миг готовые к атаке.
Ждут в напряженье танковые траки.
Как ждали боя Дудин и Орлов.

Раскаты грома бродят по строкам —
Опасным, словно тропы в поле минном:
Ещё строфа – и снова взрыв лавинный
В ночной тиши при чтенье прикаминном,
И снова память бьёт по старикам...

Как знать, на полке выстроившись в ряд.
Блистали бы сегодня раритеты.
Когда бы не в солдатское одеты
Те, что поодаль от других стоят?..

Над Невой

Вы – на том берегу... На этом – мы..
Наблюдая Невы течение.
Невозможно не быть поэтами.
От обычного в отречении.

Наших зданий фасады пышными
Лишь безумный назвать осмелится...
Стали кони со львами – лишними.
Шпили с портиками – безделицей.

Только зря ли с петровским ботиком
В играх тешились волны невские?..
Язычки их, острее кортика.
Подбивали на мысли дерзкие.

Молодых завлекая бликами,
Обещаниями-вспышками;
В Петербурге не стать великими —
Преднамеренно стать лишними.

В отречении от обычного.
Устремлённые в выси Горние,
Примеряем своё личное
На всевечное, на просторное.

Поясок экватора тесен нам:
В бесконечность полёт мыслится.
Прорастая строкой песенной.
Проплывая виденьем близ лица.

Без микробов плавёт, без вирусов
В запредельщину допапирусов,
Мнимолётностью плюсов-минусов
Игнорируя шкалы-лимбусы.

За виденьем плывут видения,
Искажающие видение
Всей истории поведения
Провидения и провидения.

Нет, не пусту быть граду: попросту
Над Невой силуэты рвутся ввысь.
Подминая ковры возраста
Там, где правили волк да рысь.

«Учебники, прочитанные мной...»

Учебники, прочитанные мной.
Усваивались поздно или рано.
Но тот, что называется войной.
Осмысливал я по отцовским ранам.

По надписям, кричавшим со стены.
Меня и мать пугавшим ежечасно:
«При артобстреле сторона опасна».
Читали мы в учебнике войны.

Была ли где спокойной сторона.
Когда на каждой раме – белый пластырь,
А по проулкам бродит смерть, как пастырь,
И новых жертв бормочет имена...

Учебники, прочитанные мной.
Дышали созиданьем и свободой —
Но варварству и смерти был в угоду
Учебник, называемый войной...

Учебник, называемый войной...
Я проходил последнюю страницу
По лицам тех – стремившихся в столицу.
Мечтавших ниц повергнуть город мой;

Я помню их: вполроста над стеной —
С линейкой, мастерком и ватерпасом
Пленённые герои «высшей расы»
Стояли в пыльных френчах предо мной:

Они латали бреши пустырей —
Песок с цементом был намешан густо..
Пленённые потомки Заратустры
Ковали возвращение на Рейн...

Учебники, прочитанные мной.
Стареют, как и всё стареет в мире.
Но сталью может зазвучать и лира
И прозвучать набатом над войной.

«Луна и Солнце – те же...»

Луна и Солнце – те же
И те же снег и лёд.
Но отчего-то реже
Меня влечёт в полёт.

С тропинки сбилось время
В прогулочной тиши
И сотня лет – не бремя
Для зреющей души.

Из ощущений соткан.
Дрожит хрустальный мир...
Заснеженная сопка —
Не сопка – капонир.

Его рука на пульсе
Неспешных перемен:
Ты на него не хмурься
Веселию взамен:

Племён случилась сшибка
На перепутье вех...
Не всякая ошибка —
Учебником для всех.

Наощупь ночь в распадок
Сползает меж стволов.
Скрывая тьмы загадок
Для ищущих голов.

Старые газеты

Разбираю старые газеты.
Вспоминаю давние задачи —
Новые сейчас на них ответы.
Словно и не может быть иначе.

Видно, время проявляет свойство
Суть момента прикрывать руками.
Снова в ясный полдень беспокойство
Серыми находит облаками.

ЖЗЛ

Жизни есть и наши, и чужие.
Наших и прекрасней, и лютей.
Временем замечены – Большие Жизни
Замечательных Людей.

Человек, характером – старатель.
Так решил у смерти на краю:
Подвести под общий знаменатель
Жизни – и чужие, и – свою.

Числился в числителе на полке
Славных биографий книгоряд:
Человек за годы жизни долгой
Собирал на крохи из зарплат.

В стеллажах с бездонностью копилки —
Отпечатки судеб и времён:
Прошлых жизней тёплые затылки.
Вздохи неба в шелесте знамён.

Вечной жизни тайны первородства
Так и не разгаданный секрет...
Человек искал с другими сходства.
На века оставившими след.

Вышей пробы общности нетленной —
Жертвенностью правой и святой.
Держится Земля – цветок Вселенной
Стебельком под каменной пятой.

Жертвенность во славу и во имя
Ложных или истинных идей...
Каждого с деяньями своими
Ждёт Голгофа неба и людей.

Человек, расставшись с жизнью этой.
Всё увидев с новой стороны.
Упадёт истёршейся монетой
В необъятный жертвенник страны.

Петропавловская крепость

1

Фатально – и в праздник, и в будни.
Тревожа замшелый гранит,
В двенадцать часов пополудни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.